

DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-47-63

УДК 94(47)

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В МАНЬЧЖУРИИ: ИНЕРЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920–1940-е гг.)

Аурилене Елена Евлампиевна

РАНХиГС – Дальневосточный институт управления,

Хабаровск, Россия

elena_aurilene@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших аспектов истории русской эмиграции в Китае, получивший противоречивое освещение в отечественной историографии – антисоветская деятельность белоэмигрантов в Маньчжурии. Беженцы Октябрьской революции, осевшие главным образом в полосе отчуждения КВЖД, давали дальневосточным чекистам повод для беспокойства как источник опасности для советской власти. На основе анализа архивных документов и обобщения результатов научных исследований автор приходит к выводу, что в современных исторических трудах, опирающихся на отчеты советских органов безопасности, имеет место переоценка масштабов участия белоэмигрантов в антисоветской борьбе, также как и результатов этой борьбы. Опираясь на системный подход к историческому исследованию, автор рассуждает о внешних и внутренних факторах, обусловивших политические настроения эмигрантов, формы проявления инерции гражданской войны. Кто был способен превратить эмигрантскую массу в организованную силу, представляющую реальную опасность для дальневосточных рубежей СССР? Каковы формы участия эмигрантов в антисоветской деятельности? Автор полагает, что ответы на эти вопросы помогут приблизиться к решению поставленной исследовательской задачи.

Ключевые слова: российская эмиграция в Маньчжурии, КВЖД, Маньчжоу-диго, Бюро по делам российских эмигрантов, «оборонцы» и «пораженцы».

Цитирование: Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция гражданской войны (1920–1940-е гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 47–63. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-47-63 / Aurilene E.E. Russian Emigration in Manchuria: Inertia of Civil War (1920–1940s), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 4. Pp. 47–63. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-47-63.

© Аурилене Е.Е., 2023

RUSSIAN EMIGRATION IN MANCHURIA: INERTIA OF CIVIL WAR (1920–1940s)

Aurilene Elena E.

RANEPA – Far Eastern Institute of Management,
Khabarovsk, Russia
elena_aurilene@mail.ru

Abstract. The article discusses one of the most important issues of the history of Russian emigration in China – anti-Soviet activity of the white Russians in Manchuria, which was controversially covered in literature, based on soviet archival documents. Refugees of the October Revolution located mostly on the territory of former Russian concession, were considered by the Soviet special services as a source of danger. Analyzing archival documents and scientific works the author comes to the conclusion that the scale of participation of emigrants in the anti-Soviet struggle is overestimated. System approach to historical research gives the author an opportunity to focus at external and internal influence factors which determined political moods of White Russians in Manchuria as well as forms of their political activities. Who could turn an emigrant mass into an organized force capable of fighting the Soviet power? What kind of anti-Soviet activities did emigrants practice? Answers to these questions help to get close to solving the research problem.

Keywords: Russian emigration in Manchuria, Chinese-Eastern Railway, Manchukuo, The Bureau on Russian Emigrants Affairs in the Machu Empire, “oborontsi” and “porazhentsi”.

За три постсоветских десятилетия феномен Русского зарубежья изучен достаточно глубоко и всесторонне. Тем не менее, в истории дальневосточной эмиграции и ее маньчжурского сегмента, в частности, до сих пор остаются вопросы, требующие продолжения исследования. Есть основания полагать, что в современной историографии сложился некий стереотип в оценке масштабов и результатов антисоветской активности белоэмигрантов, основанный, главным образом, на отчетных документах ГПУ-ОГПУ-НКВД.

В оперативных сводках советских органов безопасности в 1920-х-1930-х гг. «шпионами» или «диверсантами» назывались чуть ли не все эмигранты. Так, например, известный оперативный приказ Н.И. Ежова от 20.09.1937 г. № 00593, направленный против террористической, диверсионной и шпионской деятельности «харбинцев», относил к «японской агентуре» около 25 тыс. репатриантов из Маньчжурии, бывших служащих КВЖД [Оперативный приказ...]. Это исследование – попытка понять, насколько серьезную опасность для дальневосточных рубежей Советского Союза представляла русская эмигрантская диаспора, возникшая в Маньчжурии после Октябрьской революции.

Строительство Китайско-Восточной железной дороги стало мощным толчком к развитию северо-восточной части Китая, усилило как внутренние, так и внешние миграционные процессы, изменившие этническую структуру населения страны, а также оказало влияние на формирование международных отношений в Северо-Восточной Азии. В эпицентре международных отношений, складывавшихся вокруг КВЖД, оказались россияне – «старожилы», населявшие «счастливую Хорватию»¹ до Октябрьской революции, и эмигранты, нашедшие здесь спасение от красного террора. Полоса отчуждения дороги с русским укладом жизни и институциональной структурой, обеспечивающей благополучие населения, давала надежду на защиту соотечественников и жизнь без войны.

Однако благополучие «счастливой Хорватии» было недолгим. Установление в 1924 г. дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем обусловило переход КВЖД в паритетное советско-китайское управление. Для многих эмигрантов официальный статус дороги стал главным фактором выбора гражданства. По подсчетам Г.В. Мелихова, почти каждый третий принял советское гражданство и, «хотя и не получив прав настоящего “гражданина” этой страны», он как неопит начинал горячо выступать сторонником советского строя...»; около двух тысяч предпочли китайские паспорта [Мелихов, 2007, с. 5, 62]. Оставшаяся часть населения бывшей полосы отчуждения находилась в категории людей без гражданства, за исключением тех немногих, кто стали гражданами иных государств.

Советское правительство использовало политическую нестабильность в Китае для усиления своих позиций на КВЖД. Учреждения дороги стали базой для

¹ «Счастливой Хорватией» в прессе назвали полосу отчуждения КВЖД – в честь управляющего дорогой Д.Л. Хорвата.

распространения коммунистической идеологии, продвижением которой в Восточную Азию активно занимался Восточный отдел Коминтерна. Китайская сторона отстаивала свои интересы на дороге и пыталась препятствовать деятельности Коминтерна. Начиная с 1924 г. политическое противостояние периодически перерастало в открытые столкновения, апогеем которых стал вооруженный конфликт 1929 г. Натиск красной пропаганды мотивировал часть белоэмиграции к активным антисоветским выступлениям.

По подсчетам Харбинского комитета помощи русским беженцам, к 1932 г. в Харбине и по линии КВЖД проживали 95 тыс. русских эмигрантов, в других районах Маньчжурии – 14 900 чел., всего – 109 900 чел. [ГАХК, ф. Р-830, оп. 1, д. 218, л. 4]. Присутствие в относительной близости от советской границы белоэмигрантов, значительную часть которых составляли офицеры и рядовой состав белых армий, было фактором напряжения для местных органов ОГПУ-НКВД. Часть военных эмигрантов, оказавшись за границей, действительно не оставила намерений продолжать борьбу с советской властью. Однако большинство беженцев были заняты решением единственной задачи – выжить – и меньше всего думали о политике.

Попытки эмигрантских лидеров строить планы по превращению беженской колонии в единый антисоветский лагерь неизменно заканчивались провалом. Когда вставал вопрос о том, кто возглавит эмиграцию, идейно-политические страсти особенно накалялись. Великий князь Николай Николаевич назначил своим представителем на Дальнем Востоке бывшего управляющего КВЖД генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата¹, но его кандидатуру поддержали далеко не все руководители военно-политических группировок.

В 1920-х гг. в Харбине и на линии КВЖД возникло несколько десятков политических организаций и военизированных группировок, в основном отражавших идейную палитру европейских эмигрантских центров. Обострение советско-китайских отношений в конце 1920-х гг. многие восприняли как повод для активизации борьбы с большевиками. Эмигранты принимали участие в антисоветских акциях, устраивали протесты против деятельности Коминтерна, в приграничных районах активизировались мелкие партизанские группы. Точных данных об их количестве в современных исследованиях нет, и вряд ли таковые возможны.

В документах Дальневосточного крайкома ВКП(б), датированных 1929 г., говорится об «оживлении заграничной белогвардейщины», провоцирующей население приграничных деревень к террору против советской власти. Только в пределах Амурского округа в 1929 г. было 300 случаев физической расправы с коммунистами и комсомольцами [Хрестоматия..., 1980, с. 169]. Выявлением контрреволюционных повстанческих организаций в приграничных селах занимались секретно-оперативные

¹ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., инженер-путеец, генерал-лейтенант. Руководитель строительства, затем управляющий КВЖД. Один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. Умер в Пекине.

части погранотрядов. Результатом их работы стали массовые аресты казаков, часто по сфабрикованным обвинениям. В этой ситуации многие жители приграничья искали спасения на территории соседней страны. Точное количество новых беженцев, прибывших в Маньчжурию в годы коллективизации, вряд ли возможно установить. Опасаясь проникновения в страну советской агентуры, китайские власти возвращали нелегалов советским властям, а тех, кому удавалось закрепиться в Китае, ставили под особый контроль полиции. Статистические данные эмигрантских и китайских источников сильно различаются. Так, в документах Харбинского комитета помощи русским беженцам в 1930–1933 гг. зафиксировано 1799 беженцев из СССР. Китайские же источники упоминают о 3 тыс. русских, прибывших в Северную Маньчжурию из Советского Союза только в период с марта 1930 по март 1931 гг. [Василенко, 2003, с. 58].

Волна репрессий конца 1920-х–начала 1930-х гг. вынуждала к бегству в Маньчжурию не только жителей приграничных сел. В документах особого отдела ОГПУ Дальневосточного края отмечаются участившиеся случаи дезертирства красноармейцев, перешедших маньчжурскую границу. В чекистских отчетах причиной дезертирства названа подрывная деятельность белоэмигрантских шпионских групп. В связи с этим в начале 1930-х гг. были проведены специальные агентурные разработки «Бегуны», «Автомобилисты», «Харбинцы» и др. [Хабаровские чекисты..., 2011, с. 31].

Каковы были реальные масштабы антисоветской работы маньчжурских белоэмигрантов в 1920–1930-х гг.? Можно предполагать, что точного ответа на этот вопрос исследователи не получат. В отчетах местных органов ОГПУ-НКВД сохранились далеко не всегда проверенные данные. «Провокатором», «шпионом» и «диверсантом», наряду с реальными агентами противника, мог стать любой попавший под подозрение в недовольстве советской властью. Количество таких «шпионов» и «диверсантов» в чекистских документах особенно возрастало в годы репрессий.

Приблизиться к пониманию масштабов участия маньчжурских белоэмигрантов в борьбе с советской властью помогут ответы на два вопроса: кто мог организовать и возглавить антисоветскую работу эмигрантов и каковы источники финансирования этой деятельности?

Большим авторитетом среди русской эмиграции пользовался Русский общевоинский союз (РОВС)¹. В 1928 г. в Китае был создан Дальневосточный отдел РОВС под руководством генерала М.В. Ханжина², которого позднее сменил генерал

¹ Русский общевоинский союз был создан 1 сентября 1924 г. в Белграде под руководством генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля. Покровителем РОВС был великий князь Николай Николаевич.

² Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961) – генерал от артиллерии, один из руководителей Белого движения в Сибири. В 1945 г. арестован органами СМЕРШ, провел 10 лет в лагерях, после освобождения жил в Оренбургской области, затем в Казахстане. Умер в Джамбуле.

М.К. Дитерихс¹. Несмотря на то что дальневосточный РОВС имел семь отделений, возглавляемых опытными офицерами, развернуть масштабную антисоветскую деятельность он не мог из-за нехватки денег и непреодолимых противоречий среди эмигрантских лидеров. Конкурентом РОВС в борьбе за руководство русской военной эмиграцией был созданный монархистами-легитимистами Корпус императорской Армии и Флота (КИАФ)². В 1928 г. его отделения возникли в Китае, в 1929 г. был сформирован Маньчжурский отдел КИАФ с центром в Харбине, который возглавил генерал кирилловского производства В.А. Кислицин³. Легитимисты, как и РОВС, пытались объединить русских военных и даже создали вооруженные отряды в период советско-китайского конфликта на КВЖД, но в боевых действиях участия не принимали.

Наиболее радикальной из антисоветских организаций, действовавших в Китае, было Братство русской правды (БРП)⁴, целью деятельности которого была диверсионно-террористическая работа на территории противника. Его Дальневосточный отдел был создан в Харбине между 1925 и 1927 г. под руководством бывшего генерал-майора колчаковской армии В.Д. Косьмина⁵ и был едва ли не единственной организацией, проводившей результативную подрывную работу против СССР [Егоров, 2009]. Вследствие удаленности от Европы он работал самостоятельно, практически не отчитываясь перед центром. В конце 20-х–начале 30-х гг. XX в. в приграничных районах советского Дальнего Востока действовали партизанские и диверсионные отряды БРП под руководством Ф.Д. Назарова, Р.Ф. Типцова, Н.Г. Метелицы, И.А. Пешкова, Н.И. Гордеева, А.А. Болотова, П.З. Дикарева и т.д. [Егоров, 2009]. Разветвленная сеть агентов Братства работала на территории СССР, пытаясь организовать массовое повстанческое движение против советской власти.

¹ Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) – участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Глава Приамурского земского края (1922). В эмиграции проживал в Шанхае, возглавлял Дальневосточный отдел РОВС.

² Корпус офицеров императорской армии и флота (позднее – Корпус Императорской армии и флота) был образован в апреле 1924 г. по инициативе великого князя Кирилла Владимировича, считавшего себя легитимным наследником российского престола и стремившегося возглавить Русскую армию в изгнании.

³ Кислицин Владимир Александрович (1883–1944) – участник Русско-японской и Первой мировой войн, Гражданской войны в России, генерал-майор. В эмиграции в Маньчжурии – глава легитимистского крыла монархистов, в 1938–1944 гг. – начальник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

⁴ Братство русской правды – белоэмигрантская православно-монархическая диверсионно-террористическая организация. Создана в 1921 г. в Берлине группой эмигрантов, в числе которых герцог Г.Н. Лейхтенбергский, литераторы С.А. Соколов-Кречет и А.В. Амфитеатров, генерал П.Н. Краснов и др. Покровитель – великий князь Николай Николаевич.

⁵ Владимир Дмитриевич Косьмин (1884–1950) – участник Русско-японской и Первой мировой войн, Гражданской войны в России, генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Маньчжурии один из лидеров монархического движения, в 1931–1932 гг. – формальный председатель Центрального комитета Российской фашистской партии. Во второй половине 1930-х гг. уехал в Шанхай, после окончания Второй мировой войны эмигрировал в Сидней (Австралия).

Поднять повстанческое движение на территории советского Дальнего Востока планировала Трудовая крестьянская партия. В исследованиях историков спецслужб упоминается об участии отдельных представителей партии в диверсиях против СССР, но, судя по всему, возможностей для проведения крупных антисоветских акций у «трудовиков» не было [Хабаровские чекисты..., 2011].

Еще одним претендентом на роль главы русской эмиграции в Маньчжурии был атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов¹, проживавший на территории японской концессии под Дайреном. Рассчитывая на поддержку японцев, он планировал спасение России через создание буферного государства на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. После того, как население СССР сбросит ярмо большевистской власти, буфер предполагалось вернуть в состав России. Размышляя о путях спасения Родины от советской власти, Г.М. Семенов не исключал и крайнего варианта – вторжения японской армии в СССР и оккупации всей территории Сибири вплоть до Урала. Прояпонская позиция атамана возмущала патриотическое чувство многих эмигрантов и сокращала число его сторонников.

В современных исследованиях появилась информация, основанная на рассекреченных документах Центрального архива Службы внешней разведки РФ, открывающая новые краски в политической палитре Г.М. Семенова. В 1925 г. он обращался к полномочному представителю СССР в Китайской республике Л.М. Карахану, предлагая свое сотрудничество в деле поддержки революционного движения на Востоке ради могущества Родины. Исследователь В.П. Пашин полагает, что служба Отечеству была для Г.М. Семенова смыслом военной жизни, что он – не предатель Родины, готовый на любые действия ради личной выгоды и удовлетворения амбиций. Он не хотел служить никому, кроме законной власти государства, но, вынужденный заниматься политикой под давлением обстоятельств, испытывал колебания, «пытался “пристать к любому берегу” – советскому, японскому, китайскому...» [Пашин, 2018, с. 161–162]. Советская власть не приняла предложение атамана, но слухи о его сотрудничестве с коммунистами в середине 1920-х гг. будоражили эмигрантское общество.

Политическая гибкость атамана могла быть результатом прозрения человека, осознавшего бессмысленный трагизм гражданской войны и готового признать советскую власть, если она работает на благо Родины. Однако его дальнейшее политическое поведение не укладывается в предложенную парадигму. В 1930-х гг. и во время Великой Отечественной войны СССР против Германии и советско-японской войны он продолжал взаимодействовать с японцами и строить планы Сибирского буфера. Тот, кто не хотел сотрудничать с потенциальными врагами России, просто

¹ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – участник Первой мировой и Гражданской войны в России, атаман Забайкальского казачьего войска. В эмиграции – один из лидеров белого движения, в период Маньчжоу-го (дого) провозглашен японцами вождем русской дальневосточной эмиграции. В августе 1945 г. арестован в Дайрене, вывезен в Москву, в 1946 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

уходил из политики. Так поступили бывший управляющий КВЖД Д.Л. Хорват, бывший генерал-губернатор Приамурья Н.Л. Гондатти и ряд других известных лиц.

В 1928–1930 гг. в Харбине существовал некий конспиративный «комитет», в который входили представители небольших антисоветских групп — Русской фашистской организации (РФО), Союза национальных синдикатов русских рабочих фашистов, Национально-патриотического объединения, Монархической народной партии и др. «Комитет» строил планы организации повстанческого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, но сколько-нибудь заметных результатов эта деятельность не имела. Среди эмигрантов ходили слухи о связях таинственного «комитета» с эмигрантскими центрами в Европе, японцами и даже антисоветским подпольем в СССР. В Харбине работали агенты многих разведок, кипели шпионские страсти, поэтому очередное известие о таинственном «комитете», намеренном освободить Россию от советов, не было большой неожиданностью.

Маршал Чжан Цзолинь, фактический хозяин Маньчжурии, симпатий к коммунистам не испытывал, но и активность антисоветских группировок пресекал, не желая обострения отношений с Советским Союзом. Многие из военных эмигрантов пошли на службу в войска китайских милитаристов, — большинство по причине отсутствия иных возможностей заработать на жизнь, меньшинство — в надежде продолжить борьбу против советской власти.

В 1924–1928 гг. в армии северных милитаристов Чжан Цзолиня и Чжан Цзунчана действовала русская группа, развернутая со временем в 65-ю дивизию под командованием генерал-лейтенанта семеновского производства К.П. Нечаева¹. В начале боевого пути она насчитывала несколько сот человек, в дальнейшем — до трех-четырёх тысяч. Историк русской эмиграции в Китае Г.В. Мелихов высоко оценивает боевые качества дивизии: «...На этом пути были и славные победы, и горькие поражения ее отдельных боевых частей, однако за все годы своих почти непрерывных боев — т.е. в течение около пяти лет — эта русская воинская часть никогда не была побежденной и разбитой, постоянно сохраняла свой основной состав и высокую боеспособность...» [Мелихов, 2006, с. 120].

К.П. Нечаев пользовался уважением подчиненных за храбрость, честность и острый ум. Службу в китайской армии он воспринимал как работу по найму и никогда не скрывал этого: «Мы — наемники, ландскнехты. Никаких белых идей!.. Мы знаем, что платим жизнью за своего дубаня в его военных операциях, поэтому — деньги на бочку. И в этом все дело...» [Мелихов, 2006, с. 122]. За русской дивизией пристально наблюдали советские спецслужбы, получившие приказ разработать

¹ Нечаев Константин Петрович (1883–1946) — участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России, генерал-лейтенант. В эмиграции в 1920-х гг. воевал в составе армии правителя Маньчжурии Чжан Цзолиня, командовал «Нечаевской» бригадой из русских эмигрантов-добровольцев в армии генерала Чжан Цзунчана. В 1936–1943 гг. служил в аппарате БРЭМ в Дайрене. Арестован в 1945 г. сотрудниками СМЕРШ, расстрелян в Чите в 1946 г. по приговору военного трибунала 6-й гвардейской танковой армии Забайкальского фронта.

методы ее разложения. Попытки разложить личный состав предпринимались многократно, но результатов не принесли. Дивизия Нечаева, понесшая многочисленные потери почти в непрерывных боях, была распущена осенью 1928 г. в связи с прекращением милитаристских войн и формальным объединением страны под эгидой Гоминьдана. Гражданская война в Китае перешла в новый формат, сутью которого было противостояние Гоминьдана и КПК.

К началу 1930-х гг. патриотические иллюзии белых «вождей» на тему свержения большевизма в России в основном улеглись, инерция гражданской войны пошла на спад. Причиной тому были усталость от бесплодных попыток борьбы, перманентные распри из-за претензий на лидерство, отсутствие денег и, наконец, просто желание обустроить свою жизнь на чужбине. Среди тех, кто не исчерпал энтузиазма антисоветской борьбы, были фашисты, считавшие себя свежей политической силой на фоне архаичных политических группировок, и сторонники атамана Г.М. Семёнова. Ни те, ни другие рассчитывать на лидерские позиции среди эмигрантов не могли, средствами для организации борьбы не располагали.

Оккупация Маньчжурии Японией и создание 1 марта 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го (с 1 марта 1934 г. — Маньчжоу-диго) были восприняты радикально настроенными антисоветчиками как новая возможность для продолжения борьбы. От японцев ждали финансовой поддержки и помощи в мобилизации боеспособных антисоветских сил. Японская военная миссия (ЯВМ), фактически управлявшая Маньчжоу-го, в свою очередь, рассчитывала получить в лице русской эмиграции надежного союзника в возможном столкновении с СССР.

В течение первых двух лет оккупации японские хозяева тщетно надеялись на объединение эмигрантов «снизу», т.е. путем добровольного выбора авторитетного центра, на статус которого претендовали несколько общественно-политических организаций. Объединительная кампания провалилась по той же причине, что и в 1920-х гг.: из-за непреодолимых идейно-политических противоречий, личных амбиций лидеров группировок и политической апатии большинства беженского населения. Политическая интеграция эмигрантской диаспоры путем «сговора руководителей бесчисленных партий» окончательно провалилась [Наш путь, 1933, 20 ноября].

Убедившись в бессилии лидеров русских группировок интегрировать соотечественников в единое сообщество, ЯВМ решила задачу путем создания специального административного органа в правительственном аппарате Маньчжоу-диго. 28 декабря 1934 г. собранию представителей эмигрантской общественности было объявлено об учреждении Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). В структуру БРЭМ входили Главное Бюро (ГБРЭМ), располагавшееся в Харбине, отделения и представительства в местах проживания беженского населения [Аурилене, 2003]. Среди его отделов два, кроме официальных обязанностей, имели особое назначение.

Второй — культурно воспитательный отдел БРЭМ должен был обеспечить пропаганду японской идеологии, обещавшей народам Востока светлое будущее под эгидой

Страны восходящего солнца, а также подготовить эмигрантскую молодежь на борьбу с мировым злом – Коминтерном. Борьба с Коминтерном, само собой, предполагала свержение советской власти, так как его руководящий центр находился в Кремле. Не случайно во главе отдела с первого до последнего дня его существования находился К.В. Родзаевский¹ – руководитель Русской фашистской партии (РФП), позднее переименованной во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП) и далее – в Российский фашистский союз (РФС).

Третий – административный отдел занимался регистрацией эмигрантов и прочими формальностями, связанными с учетом эмигрантского населения. Однако кроме официальных обязанностей, по заданию ЯВМ отдел вел разведывательную и контрразведывательную работу. Объектами агентов 3-го отдела были советские граждане и эмигранты, советское и иностранные консульства, учреждения и предприятия. Руководил отделом М.А. Матковский², член русского фашистского движения, но разошедшийся в идейных воззрениях с вождем Родзаевским из-за пещерного антисемитизма последнего.

Идеологической обработкой населения оккупированной территории занималась созданная для этого политическая организация Кио-Ва-Кай, имевшая неофашистскую ориентацию. Ее официальная программа гласила: «Вместо отдельных народов, отдельных организаций будет единая мощная организация с едиными мыслями и идеями» [Сборник Кио-Ва-Кай, 1939, с. 6]. Учитывая политическую апатию и идейную раздробленность русской эмиграции, а также роль, отводимую ей в возможном советско-японском противостоянии, ЯВМ приняла решение о создании особого отдела Кио-Ва-Кай – русского. Основная идеологическая установка, рассчитанная на воспитание эмигрантской массы, содержала тезис о том, что СССР – это не Россия; Россия разрушена силами Коминтерна; возродить ее предстоит новому поколению патриотов в союзе с дружественной Японией.

Международные отношения конца 1930-х гг. давали много поводов для оживления политических споров внутри эмигрантской диаспоры. Местный «фюрер» Родзаевский с соратниками с энтузиазмом смотрели на шествие фашизма по Европе, находя в речах Гитлера и Муссолини мотивацию к усилению антисоветской активности русской эмиграции на Востоке и уверенности в победе над силами Коминтерна. Старшее поколение не было единодушно в оценке происходящего в Европе. Опыт Первой мировой войны заставлял смотреть на аншлюс Австрии и европейскую политику «умиротворения» с тревогой. Часть эмигрантов, особенно бывшие военные, перенесшие две, а то и три войны, в публичных речах союзников по Антикоминтерновскому пакту видели имперские амбиции и перспективу новой войны.

¹ Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946) – лидер русского фашизма в Маньчжурии, начальник 2-го отдела, заместитель начальника ГБРЭМ. Казнен в августе 1946 г. в Москве.

² Матковский Михаил Алексеевич (1903–1996) – один из основоположников русского фашистского движения в Маньчжурии, член РФП (ВФП, РФС), начальник 3-го отдела, заместитель начальника ГБРЭМ.

Известие о советско-японском военном конфликте в районе озера Хасан способствовало росту «оборонческих»¹ настроений в эмиграции. О том, что среди белоэмигрантов есть сочувствующие Советскому Союзу, свидетельствовали донесения агентуры 3-го отдела Бюро. Так, например, 11 ноября 1938 г. агент X-244 сообщал: «Из кругов бывшего легитимного движения раздаются голоса: например, полковник Гриневский выразился в том духе, что теперь нужно держать сторону СССР, чтобы [спасти] русскую территорию от раздела (государствами оси)». 13 ноября этот же агент: «Легитимисты и оборонцы потихоньку говорили, что блокада консульства СССР – это безобразие... Среди них полковник Гриневский» [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 127. л. 8–9].

После хасанских событий японские власти активизировали работу по подготовке русских эмигрантов к возможной войне с СССР. Осенью 1938 г. состоялся первый смотр русского воинского отряда Асано², на котором присутствовал начальник Харбинской ЯВМ генерал-майор Хата Хикосабуро. Подготовкой бойцов проверяющие остались довольны [Смирнов, 2015]. Отбором контингента в отряд занимался Дальневосточный союз военных. Кроме физического здоровья, бойцы должны были проявлять политическую благонадежность и готовность к борьбе с врагами Маньчжоу-диго и Японии.

В мае 1939 г. эмигранты получили новый повод для политических дискуссий. Воспитательный отел ГБРЭМ комментировал в прессе, в школах и на собраниях ответственности военный конфликт на границе с Монголией, в который были вовлечены четыре государства: СССР, МНР, Япония и Маньчжоу-диго.

Русских эмигрантов к участию в боях на Хасане и Халхин-Голе японское командование не привлекало. Несмотря на то, что боевая подготовка отряда Асано была признана высокой, уверенности в его надежности, видимо, не было. В 1939 г. 6 человек из личного состава отряда прибыли в район боевых действий в качестве радистов, переводчиков, пропагандистов [Смирнов, 2015, с. 88–91]. Из показаний К.В. Родзавского, полученных в октябре 1945 г., известно, что «...в 1939 г. некоторая часть отряда [Асано] была командирована под Халхин-Гол, для участия в боях против Красной Армии». Из числа командированных назван член РФС Витвицкий Юрий Евгеньевич, в задачу которого входил выпуск антисоветских листовок, призывавших красноармейцев переходить на сторону японцев» [ЦА ФСБ России, д. Н-18765, т. 2, л. 188, 295]. За две недели пребывания у линии фронта Ю.Е. Витвицкий изготовил всего четыре листовки, в которых содержалась критика коммунистического режима в России, а также призыв к военнослужащим РККА прекратить бесцельную борьбу и перейти на сторону японских войск.

¹ «Оборонцами» в эмигрантских кругах называли сторонников СССР, «пораженцами» – их политических противников.

² Русский воинский отряд, дислоцированный на ст. Сунгари-2, назван по фамилии японского командира Асано Макото (1938–1943).

М.А. Натаров, один из бойцов отряда Асано, командированных в район боевых действий, погиб в августе 1939 г. от осколка бомбы, сброшенной с советского аэроплана под Номонханом. Бывший служащий горнолесной полиции, в 1939 г. поступивший в отряд Асано, ефрейтор Михаил Натаров мог раствориться в эмигрантской массе, не оставив следа для историков, но осколок советской бомбы вознес его на пьедестал героя, отдавшего жизнь в борьбе с Коминтерном. В Харбине под руководством ГБРЭМ похороны Натарова были превращены в политическую акцию с участием всех эмигрантских организаций, включая школы и детские учреждения. Останки погибшего были торжественно погребены в ограде Свято-Николаевского собора, а 7 ноября на могиле был заложен памятник борцам с Коминтерном. День похорон – 27 августа стал ежегодно отмечаться как день памяти М. Натарова. Официальная эмигрантская пресса тиражировала подвиг «борца с Коминтерном», добавляя новые подробности его служения «великому делу» и ставя в пример эмигрантской молодежи.

В апреле 1940 г. император Маньчжоу-диго объявил о введении в стране всеобщей воинской повинности, а в декабре «даровал» манифест о поддержке союзной японской армии. Воинскую службу русской молодежи официальная пресса объявила актом высшего доверия властей, стимулирующим эмигрантов к выполнению долга перед второй родиной. «Высокое доверие» властей в эмигрантских кругах ожидаемого отклика не нашло. Большинство мужчин призывного возраста шло в отряд Асано из страха наказания, так как уклонение грозило подвалами японской жандармерии. Между тем Япония усиленно готовилась к новому этапу военной экспансии и стремилась максимально использовать военно-экономические ресурсы Маньчжоу-диго.

Нападение фашистской Германии на СССР углубило раскол между «оборонцами» и «пораженцами», сильно сократив число последних. Японские власти не могли не заметить эту тревожную тенденцию и умножили усилия, направленные на поднятие воинского духа среди русского населения. Надежной опорой в борьбе с СССР им виделось русское казачество, наиболее консервативная, монархически настроенная часть эмиграции. В июле 1941 г. по инициативе Харбинской ЯВМ в Хайларе состоялся съезд представителей казачьих станиц Маньчжоу-диго, ускоривший формирование Захинганского сводного казачьего корпуса, состоявшего из двух бригад. Личный состав подразделений корпуса проходил систематическую военную подготовку, но боевого оружия, за исключением небольшого количества учебных винтовок и собственных шашек, не имел [Смирнов, 2015]. Судя по всему, японское командование русским казакам тоже не особенно доверяло.

В 1941 г. ЯВМ активизировала работу по подготовке диверсантов-разведчиков из среды русских эмигрантов, инициировала создание новых военных подразделений. На ст. Ханьдаохэцзы была создана Учебная команда горнолесной полиции, предназначенная для подготовки кадров разведчиков-диверсантов для работы в тылу РККА. В район этой же станции передислоцировали один из эскадронов отряда Асано, позже преобразованный в Русский воинский отряд Армии Маньчжоу-диго

(командир А.Н. Гукаев). В районе Хайлара был создан полицейский казачий отряд под руководством есаула И.А. Пешкова, в 1942 г. также преобразованный в Русский воинский отряд.

Всего в 1942 г. существовало 3 русских воинских отряда численностью до 150–300 человек каждый. Военная подготовка была введена в школах, воинская служба преподносилась средствами массовой информации как честь и особая степень доверия властей к русской эмиграции. Русская молодежь рвения к службе не проявляла, но уклонение от призыва было равнозначно добровольному согласию на смертный приговор.

По сведениям оперативных отчетов советских органов безопасности, к концу 1937 г. на территории Маньчжурии было подготовлено «до 30 тыс. диверсантов из числа белоэмигрантов» [Хабаровские чекисты..., 2011, с. 43]; в 1940-х гг. в русских воинских формированиях состояло около 15 тыс. мужчин в возрасте от 17–18 до 45 лет. Учитывая, что эмигрантское население Маньчжоу-диго в 1945 г. составляло примерно 70 тыс., цифры в обоих случаях явно завышены. Иначе следовало бы признать, что к 1937 г. «диверсантом» являлся каждый второй русский эмигрант, включая детей и стариков. Что касается количественного состава русских воинских формирований, очевидно, в это число включены все резервисты, т.е. те, кто в свое время прошел срочную службу в отрядах.

Мощным фактором, повлиявшим на политические настроения эмиграции, стало нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. В Генеральном консульстве СССР в Харбине был отмечен рост количества заявлений от эмигрантов о принятии советского гражданства. Многие писали о желании служить в рядах Красной Армии на советско-германском фронте. Лагерь «оборонцев» расширился, создавая благоприятные возможности для работы советской разведки.

В начале 1940-х гг. на территории Маньчжоу-диго активно работали резиденты центральных и региональных органов НКВД и военной разведки. В частности, к 1942 г. прочные позиции в Маньчжоу-диго удалось создать дальневосточным чекистам. Управление НКВД по Хабаровскому краю направило в марионеточную империю 32 агента-вербовщика, которые организовали там агентурную сеть из 20 чел. и 30 агентов-связников; 5 чел. были впервые направлены в Харбин на оседание. В 1943 г. хабаровская разведка имела агентов, которых можно было использовать в изучении и разработке сотрудников ЯВМ, полиции и отдельных представителей белой эмиграции [Личный архив Г.Г. Пермякова]. В советскую агентурную сеть были вовлечены бывшие офицеры «белых» армий и лица гражданских сословий, монархисты и фашисты, поменявшие свои убеждения из патриотических чувств или под давлением обстоятельств.

Летом 1942 г. на Генконсульство СССР в Харбине стал работать служащий ЯВМ, в 1943–1945 гг. — командир Русского воинского отряда на ст. Сунгари-2, полковник Я.Я. Смирнов. В декабре 1942 г. по приглашению советского генконсула он тайно

посмотрел документальный фильм о Сталинградской битве. Киносеанс произвел на полковника неизгладимое впечатление, убедил в правильности сделанного выбора и мотивировал стремление помочь всеми доступными средствами страдающей Родине [Хабаровский краевой музей..., 1969].

Работал на советскую разведку и Г.Х. Наголен (настоящая фамилия – Асерьянц), занимавший авторитетные посты в структурах ЯВМ. Обстоятельства его вербовки неизвестны; по поводу начала работы советского агента Наголена существует две версии: 1936 и 1943 г.

Несмотря на давление официальной пропаганды, нацеленной на мобилизацию населения вокруг военно-политических интересов Японии, в годы Великой Отечественной войны СССР против Германии подавляющее большинство эмигрантов стало «оборонцами». Судя по тому, что в ноябре 1943 г. БРЭМ из административного органа был «разжалован» в разряд вспомогательного аппарата, можно сделать вывод, что благонадежность «эмигрантского правительства» была поставлена под сомнение. Японское командование имело серьезные основания для недоверия Бюро.

В 1944 г. на советскую разведку стал работать начальник 3-го отдела ГБРЭМ М.А. Матковский, в руках которого находился обширный архив БРЭМ, включая оперативные отчеты контрразведки. Детали вербовки по известной причине остаются тайной ведомственных архивов. Его фашистские иллюзии окончательно развеялись после нападения Германии на Советский Союз и известий о зверствах нацистов на оккупированной территории. Фашистов среди чиновников Бюро было немало, но далеко не все в конце 1930-х–начале 1940-х гг. сохранили свои убеждения. По мере того как приходило понимание реальных целей японской политики в отношении СССР, для многих эмигрантов принадлежность к фашистской партии стала формальной необходимостью, обеспечивавшей безопасность и право на работу. Кроме М.А. Матковского, на советскую разведку работали начальник 4-го отдела М.Н. Гордеев, сотрудник 3-го отдела В.В. Кибардин и др.

По всей видимости, в 1940-х гг. японская контрразведка не строила иллюзий по поводу лояльности эмигрантов, служивших в учреждениях Маньчжоу-дого. Рассчитывать на надежность русских воинских подразделений тоже не приходилось. Иначе чем объяснить тот факт, что ЯВМ не решилась использовать русские воинские формирования против СССР в период советско-японской войны? Из докладной записки УНКГБ СССР по Хабаровскому краю, датированной 29 декабря 1944 г., следует: «...можно с полным основанием утверждать, что эмиграция в своей массе, и особенно молодежь, резко отрицательно относится к японцам» [Архив УФСБ России по Омской области, ф. 65. д. 1709, т. 1, л. 3].

Расформирование воинских отрядов шло параллельно с усилением активности русских разведывательных групп, перед которыми стояла главная задача – выяснить, насколько реальна война СССР против Японии. В июне–июле 1945 г. три группы,

в составе трех человек каждая, были переброшены японскими спецслужбами на территорию Амурской области в зоне ответственности Сковородинского погранотряда. Мелкие разведгруппы (по 2–3 чел.) действовали в приграничье Еврейской автономной области и Приморья, на маньчжуро-монгольской границе. Благодаря налаженной агентурной сети в структурах ЯВМ и БРЭМ, советская разведка в целом держала ситуацию на дальневосточной границе под контролем.

Таким образом, вопрос о масштабах и результатах антисоветской активности маньчжурской белоэмиграции остается открытым. Если с антикоммунистическими публичными акциями и воспитательными мероприятиями все достаточно ясно, то сведения об участии эмигрантов в подрывной работе против СССР в приграничных районах, отраженные в донесениях спецслужб, требуют дальнейшего анализа. В 1920-х–начале 1930-х гг. у белоэмигрантов не было ни денег, ни лидера, способного объединить разрозненные группировки военных в организованную силу для результативной борьбы с советской властью. В годы японской оккупации появился орган центрального управления в лице ГБРЭМ, но у подавляющей части эмигрантов не было мотивации для службы в пользу Японии. Провал усилий японской пропаганды в деле воспитания эмигрантской молодежи в духе нации Ямато стал окончательно очевиден в годы Великой Отечественной войны СССР против фашистской Германии. По этой причине командование Квантунской армии не использовало русские воинские формирования в советско-японской войне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Управления Федеральной службы безопасности (УФСБ) России по Омской области. Ф. 65. Д. 170. Т. 1.

Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай (1920–1945 гг.). Хабаровск: Хабар. погранич. ин-т ФСБ РФ, 2003. 214 с.

Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. 220 с.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.Р-830. Оп. 1. Д. 218.

Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 4. С. 136–141.

Личный архив Г.Г. Пермякова.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М.: Русский путь; Викмо-М, 2007. 320 с.

Мелихов Г.В. Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов. (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы // *Труды Института российской истории*. Вып. 6. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2006. С. 120–139.

Наш путь (Харбин). 1933. 20 ноября.

Пашин В.П. Новые документы о деятельности атамана Г.М. Семенова на Дальнем Востоке в период с 1923 по 1928 гг. // *Россия и АТР*. 2018. № 2. С. 155–177.

Сборник Кио-Ва-Кай. Харбин, 1939. № 3.

Смирнов С.В., Буяков А.М. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 320 с.

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. КП 12064/797. Письмо Я.Я. Смирнова Г.Г. Пермякову от 17.01.1969.

Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах. Автор-сост. А.С. Колесников. Хабаровск: «Частная коллекция», 2011. 208 с.

Хрестоматия по истории Амурской области: Сб. документов и материалов. Сост. Л.А. Суржина. Благовещенск: Хабаровское кн. изд-во: Амурское отделение, 1980. 335 с.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00593. URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения – 30 июля 2023 г.).

Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) России. Д. Н-18765. Т. 2.

REFERENCES

Archive of the Federal Security Service Department for Omsk Region. F. 65. D. 1709. Vol. 1.

Aurilene E.E. *Rossijskaya diaspora v Kitae: Manchzhuriya, Severnyi Kitai, Shanghai* [Russian Diaspora in China: Manchuria, Northern China, Shanghai (1920–1945)]. Khabarovsk: Khabar. border. Institute of the FSB of the Russian Federation, 2003. 214 p. (in Russian).

Vasilenko N.A. *Istoriya rossijskoj emigratsii v osveshenii sovremennoj kitaiskoj istoriografii* [History of Russian Emigration in the Coverage of Modern Chinese Historiography]. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. 220 p. (in Russian).

The Khabarovsk Region State Archive (GAKhK). F. P-830. Inv. 1. D. 218.

Egorov N.A. Dalnevostochniy otdel diversionno-terroristicheskoy organizatsii “Bratstvo Russkoi Pravdy” [The Far Eastern branch of sabotage terrorist organization “Russian Truth Fraternity”], in *Problemy Dalnego Vostoka*. 2009. No. 4. С. 136–141 (in Russian).

G.G. Permyakov’s personal archive.

Melihov G.V. *Rossijskaya emigratsiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah na Dalnem Vostoke. 1925–1932* [Russian emigration in international relations in the Far East. 1925–1932]. Moscow: Russkii put; Vikmo-M, 2007, 320 p. (in Russian).

Melihov G.V. *Russkaya “Nechaevskaya diviziya” v armii severnykh kitaiskikh militaristov (Formirovanie. Sostav. Comandovanie) 1924–1928* [Russian Nechaev’ division in the army of Northern China militarists (Formation. Personnel. Command) 1924–1928], in *Trudy*

Instituta Rossijskoy istorii [Proceedings of the Institute of Russian History]. Issue 6. Moscow: Nauka, 2006. Pp. 120–139 (in Russian).

Nash put (Harbin). 1933. November 20.

Pashin V.P. Novye dokumenty o deyatelnosti atamana G.M. Semenova v period s 1923 po 1928 gody [New documents about ataman G.M. Semenov' activity in the period from 1923 to 1928 years], in *Rossiya i ATR*. 2018. No. 2. Pp.155–177 (in Russian).

Sbornik Kio-Va-Kai. Harbin. 1939. No. 3.

Smirnov C.V. *Otryad Asano: russkie emigranty v vooruzhennyh formirovaniyah Manchukuo (1938–1945)* [Asano squad: Russian emigrants in the armed formations of Manchukuo (1938–1945)]. Moscow: Algoritm, 2015. 320 p. (in Russian).

Khabarovsk regional museum named after N.I. Grodekov. KP 12064/797.

Habarovskie chekisty. Istoriya v dokumentah i sudbah [Khabarovsk chekists. History in documents and fates]. Author-compiler A.C. Kolesnikov. Khabarovsk: Chastnaya kolektsiya, 2011. 208 p. (in Russian).

Hrestomatiya po istorii Amurskoy oblasti: Sbornik dokumentov i materialov [Reader on the history of the Amur region: collection of documents and materials]. Compiler L.A. Surzhina. Blagoveshensk: Khabarovsk publishing house: Amur branch, 1980. 335 p. (in Russian).

Operativnyi prikaz NKVD SSSR No 00593 [Operative order of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR No 00593]. Available at: <http://docs.historyrussia.org> (accessed 30 July 2023).

Central archive of the Federal Security Service of Russia (CA FSB Rossii). D. H-18765. Vol. 2.

Статья принята к публикации 21.09.2023